

О.М. Бодянский

**О народной поэзии
славянских племен**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.М. Бодянский**
О народной поэзии славянских племен / О.М. Бодянский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 154 с.

ISBN 978-5-458-09921-9

Рассуждение на степень магистра Философского факультета Первого отделения, кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского.

ISBN 978-5-458-09921-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сдѣлалась, чѣмъ суждено ему Провидѣніемъ означить себя на поприщѣ міра въ ряду своихъ собратій, хочешь быть собой, живи своей коренной жизнью, мыслишь своей головой, чувствуй своей сердцемъ, желай своей волей, дѣйствуй самъ собой, непосредственно, и, пак. об., живи всѣми силами своего бытія, сдѣлалась вполнѣ *народнымъ*. Народность нимало не препятствуетъ совершенствованью себя какъ каждому недѣлимому, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе человѣческой природы вездѣ возможно: оно условливается просвѣщеніемъ, образованіемъ, и только ими достигается; а просвѣщеніе гдѣ угодно уживается. Для него нѣтъ разности климата: оно возможно вездѣ, поладишь со всякою народностью, пошому что оно не только не испровергаетъ ее, напротивъ помогаетъ ей еще успѣшнѣе развиваться, направляетъ дальнѣйшіе ея шаги, указываетъ вѣрный, возможно ближайшій, путь, охраняетъ отъ порчи и паденія, очищаетъ, просвѣтляетъ, совершенствуетъ. Одно лишь худо понятное или и вовсе ложное просвѣщеніе шѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. Неужели просвѣщеніе необходимо пребудетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ опшѣнковъ, пребудетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: спрашивается ли привязанный къ идеализму Нѣмецъ, суевливый Французъ, или расченливый Англичанинъ? И, однако же, родная физиономія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственный должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ.

ніемъ, такъ и въ людяхъ, сполцихъ на низшей ступени общеспва, и ни вельможа, ни поденьщикъ, ни Лордъ, Перъ, Герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаюся собою, не опвергаюся себя.

Конечно, не было еще народа, который бы изъ первоначальнаго возраста своей жизни, дикоспи, выходилъ самъ собою, почно какъ всякой челоувкъ доспигаешъ полнаго развитія своихъ способностей, полнаго образованія, шолько при помощи другихъ. Получивъ съ рожденіемъ душу, опверспую къ разумнїю и совершенспванїю, первыя начала образованія челоувкъ заимспвуешъ чрезъ наученіе говоришь и, пак. обр., съ словами принимаетъ въ себя первыя понятїя — зародышь будущаго развитія умспвенныхъ силъ, далѣе чрезъ наученіе нѣкопорымъ дѣйспвіямъ для удовлетворенія жипшейскимъ пребванїямъ: вопъ начальная школа первичнаго образованія каждаго челоувка. Точно такъ и народъ: онъ всегда къ высшей образованности былъ выводимъ другимъ народомъ, прежде его образовавшимся: сначала довольспвуешся, обыкновенно, шолько своимъ руководителемъ; но умъ челоувческой по своей природѣ не можешъ вѣчно довольспвоваться проспымъ принанїемъ чужаго, чужими понятїями, испинами, опышностью, 'успройспвомъ своей жизни по образцу жизни другаго. Наступаешъ время, когда, сознавая свою мощъ и самоспоятельность, горипъ желаніемъ шворипъ самобытно, создавашъ собспвенный мїръ понятїй, и ш. д., жипшь независимо, своею удѣльною жипнїю. Эшого времени не минуешъ, рано или поздно, ни челоувкъ, ни народъ, если

только Судьбы опредѣлили ему не *прозябать* весь свой вѣкъ, а совершивъ полный кругъ своего бытія. Тогда народъ, управляемый опчепливымъ самосознаніемъ, хопя и не покидаешъ вовсе своихъ сосѣдей, болѣе просвѣщенныхъ, но уже сообщаешся съ ними не для проспаго подражанія имъ, не для расположенія своихъ дѣйсвіей по ихъ дѣйсвіямъ, не для того, чшобы поровняшся съ ними, но чшобы слѣдитъ ихъ своимъ умомъ, наблюдашь, понимаешь ихъ хорошее, лучшее, спарашся собшвенное свое, родное, возвесши до равной спешени и, даже, пойши далѣе, возвысисься, спашъ съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развиіемъ спихій своенародныхъ. Слѣдовашельно, любовь къ своему, родному, въ шакомъ случаѣ, шакъ понимаемая, ешь наслоящій ключъ къ испинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершеншвованію, испочникъ жизни живой, плодоносной, самоспояшельной, своеобразной, своевременной, своеспихійной, всеспоронной, полной, вѣчноюной. Вошь въ чемъ заключаешся прочная самобышность народовъ!

При шакомъ повсемѣспномъ спремленіи къ народности, и Словешность, какъ выраженіе общеспва, спѣшишь оправдашь свое назначеніе, бышь вѣрнымъ и правдивымъ зеркаломъ жизни народовъ, направляясь какъ можно ближе къ спихіямъ, условливающимъ бышіе ихъ, и вѣми мѣрами опражая въ себя духъ народный въ чиспѣйшемъ, безпримѣсномъ видѣ. Жизнь народа имѣешъ свою особенную фшзіономію, слагающуюся изъ его физическихъ и душевныхъ свойспвъ. Когда народъ развиваешъ въ своемъ суще-

спованіи свою личность, свою особенность, онъ живеть самобытно, своеобразно, народно, выражаешь своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществить своею жизнью. Эпическая идея, проявленіе всей своеобразной жизни народа, уславливаемая его религіей, философией, нравами, обычаями, исторіей, мѣстностью страны и ея свойствами, вѣрованіемъ, языкомъ, безчисленными житейскими условіями, и. п., ни въ чемъ шакъ ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, какъ въ Словесности. И потому Словесность, будучи отраженіемъ силъ, создающихъ бытіе народа, непременно должна быть народною. Разумѣется, Словесность для этого не должна рабски списывать свой народъ, ограничиваться одними внѣшними формами его жизни, низшими слоями общества, просонародіемъ, хотя и проспой быть нечуждъ прелести, своего изящества, своей поэзіи. Въ природѣ нѣтъ предмета, который бы былъ положительно худъ, на который бы нельзя было взглянуть съ поэтической точки зрѣнія, потому что вселенная, какъ твореніе совершеннѣйшаго Существа, должна быть шакже совершенна. Точно, много утратила она своего изящества послѣ паденія человека, пославленнаго ей въ царя, но все же не вовсе лишилась своего совершенства, какъ и эпошъ послѣдній. Главное — уловишь эпо изящество, провидѣшь его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Поэтому и голая, черная сторона жизни народа, если взглянуть на нея съ этой точки, прошедши черезъ горнило поэтического вдохновенія, можетъ возвы-

силься до степени изящества. Такою-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна опрашивать въ себя Словесность каждого народа.

Отсюда и Поэзія, какъ цвѣтъ, вершина слова, вѣнецъ Словесности народа, непременно должна быть, также, въ высочайшей степени народной.

Народность нимало не препятствуетъ ей оставаться вѣрною идеѣ изящества, быть настоящею, изящною Поэзіей. Истинная Поэзія не можетъ быть не народною. Она есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не просто вымысль безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое ошлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности; напротивъ она есть спрожайшее сочепаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, какъ сказать ея ошлеченіе; она — шворчество по глубокому разумѣнію силы внутренняго съ внѣшнимъ его образомъ, шворчество по идеаламъ, ошъ вѣка существующимъ, присутимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое бѣненіе уловлено, схвачено внутренній, настоящій смыслъ каждой ея части, проявленъ въ формахъ, воплощъ ее выражающихъ, безъ педантизма, мѣлкой точности въ частности, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческой слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякой имѣетъ свою Поэзію,

попому что Поэзія прирождена народу; народъ, ка-кого бы онъ племени ни былъ, вовсе безъ Поэзіи бытъ не можешь. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ — несбыточное дѣло: эпо не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждаго народа естъ ему одному только свойственная Поэзія, какъ плодъ внушрняго его шворчества, его поэтической способности. Эта его Поэзія, попому самому что соспавляетъ произведе-ніе его, непременно и прежде всего должна бытъ оппечашкомъ его жизненнаго бытія, оппголоскомъ всѣхъ его сопрясеній, являясь въ шомъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, по-ложенія, обшояшельствъ, — слѣдовашельно безпри-спрашно оппражашъ внушрнюю и лицевую спо-рону сущестшования его, бытъ своенородною, свое-временною. Будучи народной, она не перестаетъ бытъ изящной; изящное никогда неизмѣнно: оно все-гда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Испинно изящное досшупно и поняшно всѣмъ вѣкамъ и на-родамъ, и можешъ бытъ оцѣнено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признающъ одинъ и шомъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, по-шому что въ духѣ нашемъ сущестшуетъ перво-образъ красоны, что идея изящнаго — неопшемле-мая принадлежность всего человѣчества: оно рав-ное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только фор-ма проявленія изящнаго до безконечности разно-образна: нимало не измѣняя сущности его, народъ одѣваетъ прекрасное согласно своимъ поняшіямъ о

немъ, согласно степени своего эстетическаго образованія. Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облеченія, осуществленія, именно—то и заключается оригинальность творчества, самостоятельность всякаго искусства, слѣдов. и Поэзіи, какъ единственнаго словеснаго искусства. Общего Поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; общего жѣ только поэтическія произведенія истинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества човѣческаго духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, отшлипы въ типъ самобытный, свойственный тому народу, къ которому относятся, отражаютъ въ себѣ, какъ въ кристаллоподобной поверхности водѣ, народъ со всеми его свойствами, похвальными качествами и недостатками, представляющъ собой полную картину, вѣрнѣйшій отпечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судьбы въ данную эпоху бытія его. Такая Поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною, своенородною, Поэзіей жизни; ей будутъ сочувствовать, ее поймутъ и оценятъ не отдѣльные любители, не одни только записные знашкі изящнаго, но цѣлая нація, цѣлый народъ, все човѣчество. Вопль ея слушатели, послѣдователи, цѣнили, судьи и вѣчные защитники! Напроставъ, удаляясь отъ эпохи, только естественнаго и единственно прямого, пути, Поэзія перестаетъ быть истинной Поэзіей, безотчепнымъ, свободнымъ созданиемъ творящаго духа, внушеннымъ своенроднымъ вдохновениемъ, живымъ голосомъ из-

вѣспнаго вѣка, извѣспнаго неба, извѣспнаго народа, но сколкомъ другой Поэзіи, намѣреннымъ подражаніемъ какому-нибудь чужому произведенію, рабской капировкой, ребяческимъ передразниваніемъ. Какъ бы шочно ни было подражаніе, Поэзіи ли другаго народа, природѣ ли, или чему иному, все оно подражаніе, ни болѣе, ни менѣе: эшо слѣпки безъ жизни и души, простое эхо. Допустивъ, даже, возможность поровняшься съ какимъ-либо предметомъ, эшо не значить сдѣлаться шѣмъ же самимъ предметомъ, но шолько вознесшись до одинакой вышнш, и все же ошашься спискомъ, а списокъ — не подлинникъ: здѣсь борьба пигмея съ исполиномъ! Безспорно, и въ подражательныхъ произведеніяхъ могутъ бышь, и ешь, великія часшныя красшш, достоинства первостепенныя; и на нихъ можетъ лежать печать вѣка, болѣе или менѣе замѣшная печать народа, и ш. д., пошому чшо поэтъ всегда связанъ съ своимъ міромъ, землей, эпохой; но эшо красшш—прививныя, не вяжущіяся съ цѣлымъ; эшо оранжерейныя цвѣшш, выращенныя въ теплицахъ, а не подъ открытымъ небомъ, вскормленныя искусшвенною теплотою, а не сокомъ родной почвы, возбуждаютъ минушное, проходящее, смѣшанное всегда съ невольной жалосшю, удовольствіе; эши оппечашки вѣка, народа и sprawy—родимая пшшна, и шуть шолько чшо увеличиваютъ безобразіе, выказывая всю нееспешвенность положенія, въ кошоромъ поставлено цѣлое. Не бышь Сѣверу Югомъ, не роспи пальмовымъ лѣсамъ на нашихъ поляхъ, не дважды молодѣшь: шакъ шочно одной и шой же Поэзіи разъ суждено совершить свое

поприще; прошла пора — ее уже не воскресить. Она была вполне шѣмъ, чѣмъ ей быть должно, была собой въ свое время, въ своемъ мѣспѣ, у своего народа; для другихъ—она имѣла только документальное, историческое достоинство: по ней можемъ судить о степени жизни этого народа и пр., п. п., можемъ, и должны, изучать ее, не для того, чтобы опречаться опъ своей Поэзіи, намъ прирожденной, располагать ее по ней. Позволишь возмущаться и стараться свою довести до равной степени совершенства и, если можно, пойти далѣе; но идти своей дорогой, указанной намъ Промысломъ, и быть собой, а не Греками, Римлянами, Индійцами, и п. д. Тѣ были, чѣмъ имъ быть суждено, были и прошли; не вѣмъ быть однимъ и шѣмъ же; теперь наступило наше время, и намъ должно быть нами, а не къмъ другимъ. Къ совершенству ведетъ не одна дорога; каждому определено достигать его своимъ путемъ, если только захочетъ достигать его, быть своеобразно совершеннымъ, равнымъ прочимъ. Такъ точно и въ области Поэзіи. Всякая Поэзія должна быть собой, стремиться своей дорогой къ полному, гармоническому развитію себя, съ твердою надеждой достигнуть такого же совершенства, какъ и другія ея сестры, изъ коихъ каждая сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ есть, единственно стараясь быть собою; напрошивъ, сбиваясь съ этого пути, добровольно сама себя убивала, дѣлалась второстепенною, хвостомъ блестящей кометы, не произвела вѣчноюнаго дѣйствія, не могла возбудить къ себѣ неспаряющагося сочувствія. Но оспаваясь вѣр-

ной себя, своей природѣ, Поэзія неминуемо, волею-неволею будетъ Поэзіей народа, зеркаломъ пушей его жизни, отраженіемъ идеи, проявляемой эпохой жизнью, составляющей собой душу народа. Кромѣ этого, направление Поэзіи, ея характеръ, уснаавливается жизнью народа, его возрастомъ: въ какомъ возрастѣ находится народъ, такова и Поэзія его, какъ откровеніе народа; въ ней разоблачается характеръ возрастной его жизни, преобладающій надъ всѣмъ и дающій собой направление всѣмъ часпямъ, составляющимъ цѣлое, наводящій на все одинакій цвѣтъ. Ясно, что Поэзія опредѣляется исторіей народа: зная ее, зная какой періодъ своего бытія совершаетъ народъ, напередъ можно отгадать, какой характеръ его Поэзіи, какой родъ ея преобладаетъ у него. И наоборотъ: случается, что народъ не всегда имѣетъ у себя лѣтописи своей жизни, или не всѣ, не вполнѣ; въ такомъ положеніи Поэзія поясняетъ собой исторію, замѣняетъ ее. По ней пошчасъ можно открыть, какой путь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ шеперь находится. Конечно, путь не будетъ ни годовъ, ни чиселъ, ни именъ, и ш. п. принадлежностей лѣтописи, зато все эпо пополяетъ собой духъ времени, духъ прожитой жизни, пошому что Поэзія есть самое вѣрнѣйшее и ни какому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картина его бытія, и ш. д. Первые поэты, обыкновенно, большею частію, неизвѣстны, что очень естественнo. Въ первомъ возрастѣ народа пѣвцы, подобно младенцу, не сполько-